

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

ПУШКИН И ОВИДИЙ: ДОПОЛНЕНИЕ К КОММЕНТАРИЮ ("Евгений Онегин" 7, ЛП, 1–2)

© 1997 г. М. И. Шапир

Статья дополняет существующие комментарии к "Евгению Онегину": два пушкинских стиха интерпретируются как точный перевод из Овидиевой "Науки любви" и сравниваются с некоторыми другими русскими переводами и перифразами соответствующей строки "Ars amatoria".

This article supplements the existing commentaries on "Eugene Onegin": two lines of Pushkin are interpreted here as a faithful translation from Ovid's "The Art of Love" and are compared with some other Russian translations and paraphrases of the corresponding line from "Ars amatoria".

В самом авторитетном из комментариев к "Евгению Онегину" начало ЛП строфы 7-й песни оставлено без пояснения:

У ночи много звезд прелестных,
Красавиц много на Москве.
Но ярче всех подруг небесных
Луна в воздушной синеве.

К сожалению, это не единственный случай, когда Ю.М. Лотман [1] не учитывает сделанного предшественниками. Как сказано в комментарии Н.Л. Бродского, «эти строки восходят к стихам С. Боброва, автора "Тавриды" (1798) (...) которую Пушкин просил переслать ему в 1821 году в Кишинев» [2, ср. 3, 4]:

(...) Всѣ звѣзды въ сѣверѣ блестящи,
Всѣ дщери сѣвера прекрасны;
Но ты одна средь ихъ луна,
Твои небесны очи влажны
Блестять – какъ утреннія звѣзды (...) [5]

Но впервые "Онегина" и "Тавриду" сопоставил даже не Н.Л. Бродский, а П.О. Морозов [6], с наблюдением которого согласились многие авторитетные пушкинисты, в их числе М.О. Гершензон [7] и Г.О. Винокур [8, 9]¹. Позднее к параллели между Пушкиным и Бобровым были добавлены параллели между Пушкиным и Карамзиным [10], а также между Пушкиным и М. Яковлевым. По словам В.В. Набокова, в этом месте "Онегина" «комментаторы (?) увидели пародию на "Элегию (Незабвенной)"» [11]:

¹ М.О. Гершензон, в частности, писал: «(...) несомненное заимствование из "Тавриды" Морозов открыл – в седьмой главе "Онегина", в строфе столь вдохновенной, что казалось бы, нелегко заподозрить ее оригинальность (...) "Тавриду" Пушкин читал в 1821 году, – ту Онегинскую строфу писал в 1828-м; как же зорко он читал даже такую дрянь, и какая память на чужие образы и стихи!» [7].

(...) И между юныхъ, милыхъ дѣвъ
Какъ между звѣздъ луна сіяла (...) [12]

Надо, однако, признать, что некоторое сходство онегинских строк со стихами Боброва и Яковлева и прозой Карамзина не затрагивает самого начала интересующей нас строфы. Не исключено, конечно, что, оформляя общее для всех четырех авторов сравнение – первая красавица среди прочих, будто луна среди звезд, – Пушкин до некоторой степени находился под влиянием Боброва:

Но та, которую не смею
Тревожить лирою моею,
Какъ величая луна
Средь жен и дев блестит одна (ЛП, 5–8)².

И в то же время несомненно, что две первых строки этой строфы "Онегина" имеют другой источник. У ночи много звезд прелестных, // Красавиц много на Москве – это отнюдь не перифраз "Тавриды", а точный перевод хрестоматийного стиха из Овидия, который, как известно, был у Пушкина "самым любимым из римских поэтов" [14, с. 40]:
(...) *Quot caelum stellae, tot habet tua Roma puellas* =
(...) *Сколько на небе звезд, столько в твоём Риме молодённых женщин* (Ars amat. I, 59)³.

² Полу жирным шрифтом выделены грамматические и лексические совпадения с "Тавридой". Напомню в связи с этим признание Пушкина из его письма к Вяземскому (1–8.XII 1823): "Меня ввель во искушение Бобровъ (...) Мнѣ хотѣлось чтонибудь у него украсть" [13].

³ В свою очередь, "Овидий мог иметь в виду очень похожее место у Герода" [15 и мн. др.]: (...) ἐν Αἰγύπτῳ (...) γυναῖκες, ὁκλύδους οὐ μὰ τὴν [Αἰ]θερ Κοῦρην // ἀστέρας ἐνεγκεῖν οὐρανῷ κεκαύχεται, // [τῇ] δ' ὄψιν οἶαι πρὸς Πάριν κοῖ' ὄρησαν // θεαὶ κριθ]ήναι καλλονήν (...) (Herond. I, 27, 32–35) = В Египте (...) женщин сколько! Я клянусь тебе Корой, // Что столько звезд ты не найдёшь в самом небе. // И все красавицы! С богинями схожи, // На суд к Парису что пришли ... (Сваха, 27, 32–35; пер. Г. Церетели).